

Е Тао слегка опустил ресницы, едва слышно вздохнув:

— Прости.

Чжоу Цзыцянь долго молчал, прежде чем снова заговорить:

— Ты прав. То, кого я люблю, — это моё дело, а принимать это или нет — твоя свобода.

Е Тао уже собрался что-то сказать, но его рука оказалась в крепкой хватке. Попытавшись высвободиться, он лишь почувствовал, как пальцы сжались ещё сильнее. Подняв взгляд на мужчину перед собой, он увидел, как тот слегка улыбался, и в его глазах читалась нежная теплота. Эта улыбка была настолько прекрасна, что казалось, будто мимолётное отведение взгляда станет огромной потерей.

В этой очаровательной, полной нежности улыбке Е Тао услышал его слова:

— Раз уж мы друг другу не указы, давай каждый займётся своим. Я не стану отказывать себе в том, что ты отвергаешь, а ты не мешай мне продолжать любить.

Е Тао на мгновение замер, а затем этот человек спокойно встал и ушёл. В его походке и в его спине не было и намёка на подавленность после отказа. Напротив, он излучал уверенность.

Е Тао долго молчал, но в конце концов не смог сдержаться и глубоко вздохнул. Он знал, что этот человек, хитрый как лиса, не будет лёгкой добычей. Впереди их ждали интересные времена.

Сестрица Ма случайно опрокинула чашу с варёным красным ласточкиным гнездом с сахаром. Сяо Чэн, увидев это, сокрушённо замахал руками. Как жаль, такая хорошая вещь пропала. Сестрица Ма тоже сожалела, но, подумав, взяла на руки Баобао, который грелся у окна, и попыталась накормить его.

Баобао упрямо вытянул шею и не хотел наклоняться, мяукая в знак протеста:

— О, теперь, когда вещь упала на пол, вы вспомнили обо мне? Вы слишком хорошо умеете использовать всё по максимуму! Не буду есть! Кто хочет, пусть ест! Я, благородный господин, не стану!

Сестрица Ма не сдавалась и уговаривала Баобао:

— Будь послушным, съешь это. Это хорошая вещь, поможет тебе вырасти большим.

Сяо Чэн, смеясь, уговаривал Сестрицу Ма:

— Не давите на его голову. Эта маленькая тварь ещё более требовательна, чем человек. Даже воду она пьёт только свеженалитую.

Пока они спорили, в дом вошёл младший хозяин. После Нового года в «Гуаньюй» стартовал новый проект, и Чжоу Цзыцянь был главным ответственным в проектной группе. В последнее время он был занят, и сегодня он редко возвращался рано.

Баобао, воспользовавшись моментом, когда Сестрица Ма отвлеклась, юркнул в комнату, где он жил с Е Тао, забежал в спальню, запрыгнул на кровать и начал толкать Е Тао своей маленькой лапкой, разбудив его, хотя тот уже проснулся, но не хотел вставать.

Е Тао уже собрался что-то сказать, как услышал шаги в соседней комнате. Шаги были тихими, видимо, чтобы не разбудить его, зная, что это время его послеобеденного отдыха.

Е Тао накинул верхнюю одежду и вышел из спальни. В соседней комнате он увидел, как Чжоу Цзыцянь занимался букетом бело-зелёных цветов. Эти цветы не были дорогими, обычные белые шиповники, с многослойными лепестками, окружающими жёлтые тычинки. Аромат был лёгким, цветы не были особенно яркими, но почему-то они нравились Чжоу Цзыцяню. В магазине было множество цветов, но он долго ходил туда-сюда, не находя ничего подходящего, пока вдруг не увидел белые шиповники в углу. Они казались спокойными, безмятежными, словно не желали соревноваться в красоте. Тогда он подошёл, выбрал букет и упаковал его в шампанскую бумагу.

— По пути домой зашёл в цветочный магазин, увидел, как хорошо они цветут, и решил собрать букет, — Чжоу Цзыцянь обернулся с улыбкой, и его глаза и улыбка были более притягательными, чем цветы.

Е Тао не выразил особых эмоций, но Баобао у его ног невольно вздрогнул, а затем украдкой закатил глаза.

«Вы ведь тоже глава семьи, могли бы не использовать своё лицо, чтобы соблазнить моего дядю Е? И зачем вы дарите ему цветы? Думаете, он юная девушка, впервые влюбившаяся? Если вы не умеете ухаживать, спросите совета у Юньяна, он в этом мастер».

Снаружи Сяо Чэн быстро убрал разлитое ласточкино гнездо, затем пошёл в комнату Чжоу Цзыцяня, чтобы принести вазу. Сестрица Ма отправилась на кухню, чтобы попросить повара приготовить новую порцию. Вскоре во внутреннем дворе остались только Е Тао и Чжоу Цзыцянь. Куда делся Баобао? Баобао был слишком слаб, чтобы помешать своему дяде ухаживать за дядей Е, и не мог помочь дяде Е прогнать дядю. Ему было невыносимо смотреть на это, поэтому он пробормотал «с глаз долой» и отправился к маме Доу.

Е Тао некоторое время молча смотрел на букет в вазе, прежде чем перевести взгляд на Чжоу Цзыцяня. В его глазах читалась не только безучастность, но и тень беспокойства:

— Что ты хочешь делать, я не могу контролировать и не в силах остановить. Но я должен напомнить тебе: в доме много людей, и если ты будешь слишком вольничать, рано или поздно это вызовет сплетни.

— Я знаю, — Чжоу Цзыцянь не был охлаждён этим предупреждением. С самого начала он был трезв. Он знал, что отказ и предостережения Е Тао были продиктованы заботой о нём. Человек, который ему нравился, был внимательным и нежным. Он дарил ему цветы и подарки не для того, чтобы угодить, а просто хотел подарить что-то прекрасное тому, кто ему дорог. Дарить тоже приносило радость и удовлетворение.

В тот момент Е Тао ещё не осознавал, что мужчина, заботящийся о всей семье, был весьма скуп в вопросах любви. Его понимание любви было ограниченным. То, что было обычным в любви, он должен был обдумать. Если он соглашался, то принимал с радостью, если нет — отбрасывал, считая это глупостью.

— О чём думаешь? — Пальцы Чжоу Цзыцяня мягко провели по уху Е Тао, затем взяли его руку, поцеловали и начали нежно массировать, словно не могли оторваться.

Е Тао ответил:

— О том, что может одолеть лису.

Чжоу Цзыцянь улыбнулся:

— Зависит от того, стала ли она духом. Если нет, то охотник справится. Если стала, то только небесный дух сможет её укротить.

Е Тао сказал:

— Неудивительно, что ты не ладишь с Ло Дуном. Говорят, он — воплощение звёздного духа.

Чжоу Цзыцянь промолчал.

Е Тао воспользовался моментом, чтобы высвободить руку, вернулся в спальню, переоделся в тёплую одежду и оставил прекрасного, как цветок, лисьего духа, отправившись к Старейшине Лю. В последнее время он плохо спал: ночью не мог уснуть, днём не хотел вставать. Ему нужно было попросить Старейшину Лю приготовить лекарство для улучшения сна.

На следующий день Ло, о котором только что говорили, появился в доме Чжоу. Этот «бессмертный» был занят и пришёл не просто так, а чтобы обсудить с Чжоу Цзыцянем детали предстоящего банкета.

Ещё до окончания первого месяца новости о том, что семьи Чжоу и Ло стали названной роднёй, уже распространились. Ло Дун разослал больше приглашений, чем семья Чжоу, что показывало его серьёзное отношение к этому союзу и подчёркивало уважение к семье Чжоу.

Обсудив основные моменты, остальные детали оставили на усмотрение помощников.

Двадцать третьего февраля, в день, который считался благоприятным для всех дел, семьи Чжоу и Ло устроили банкет для гостей. Банкет проходил в известном отеле «Ванфу» в столице. Гости были знатными и богатыми, и те, кто не знал подробностей, могли подумать, что это свадьба двух богатых семей.

На банкете было много людей, и Е Тао, который не любил шум и светские беседы, после того как подал чай своему «названому отцу» и получил красный конверт, ушёл в угол, чтобы побыть в тишине. Хотя Е Тао был главным героем этого банкета, все гости пришли ради Чжоу Цзыцяня и Ло Дуна, и никто не стал бы искать Е Тао для беседы. Когда Чжоу Цзыцянь и Ло Дун не были рядом, он был просто живой декорацией, и ему было легко оставаться незамеченным.

Оказавшись в углу, где не было толпы гостей, Е Тао слегка вздохнул. Сяо Чэн, увидев это, спросил, не устал ли он. Е Тао покачал головой, но выглядел он неважно, был немного вялым.

Сяо Чэн достал из кармана флакон с лекарством, отсчитал восемь маленьких таблеток и попросил у официанта стакан воды, чтобы Е Тао мог их принять.

Е Тао, приняв лекарство, немного успокоился и почувствовал себя лучше, после чего отправил Сяо Чэна поесть. Ещё с самого начала он слышал, как что-то урчало, и только оказавшись в углу, понял, что это был живот Сяо Чэна.

— Я не голоден, перед этим съел полфунта печенья, желудок полон, — Сяо Чэн упрямо качал головой, настаивая на том, чтобы остаться с Е Тао.

Е Тао, поглаживая Баобао, который хотел присоединиться к веселью, но потом заскучал,

сказал:

— Баобао голоден, возьми что-нибудь поесть и покорми его.

Услышав это, Сяо Чэн не стал отказываться и быстро отправился за едой.

Они тянули два года, на больше чем двухсот тысячах слов, и наконец-то появился прогресс. Я даже думаю, что дядя Е здорово его пнул, надо было пнуть ещё сильнее. Кто-нибудь объяснит мне, что это за психология?

<http://bllate.org/book/17687/1650260>